

ISSN 0121-8047

РАБОТНИЦА

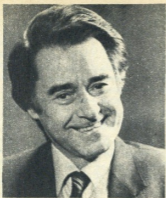
№ 3 • 1983

**Да здравствуют советские женщины
славные дочери Родины,
беззаветные труженицы
и пламенные патриотки!**

Е. ЛЕОНОВ

Нет женщин нелюбимых

И живут на земле матери, что не дождалась с минувшей войны своих сыновей, так до конца и не сумев поверить в их смерть, живут, все еще надеясь на чудо. Чудо произошло на нашей земле, когда молодостью своей и жизнью их дети добыли великую Победу. Вот почему мне кажется иногда, что весенние ручьи марта — это не только пробуждение спасенной природы, но и слезы памяти.

А мир ничего не забывает... Слезами осиротевших ливанских детей и безысходной материнской тоской, поднятой криком горя до самого неба, жизнь напоминает нам всем, что мир на земле под постоянной угрозой... И здесь мы все, женщины и мужчины, равны в своей ненависти к войне, в своих надеждах и в своей вере. Будущее человечества ждет и взывает к нашим усилиям и нашему разуму. Ширятся сегодня ряды сторонников мира, все громче звучит голос народов: «Остановить поджигателей новой, ядерной войны!». И нет у мужчин выше чести, чем быть защитником женщины, матери, защитником жизни на нашей планете.

Сколько прекрасных стихов сложено во славу женщины, сколько великих дел освящено ее именем! Любовь к женщине во все века возвышала душу, наполняла новым смыслом жизнь, делала человека сильнее и прекраснее. И я думаю сейчас о драматической, верной любви поэта Алексея Константиновича Толстого к Софье Миллер. Его первым признанием ей были известные стихи: «Средь шумного бала случайно...» И затем все остальные до конца жизни также посвящены ей. Но тринадцать долгих лет судьба не позволяла А. Толстому соединить свою жизнь с любимой женщиной. И только по письмам да по трепетным и страстным стихам мы знаем сейчас, как возвышенна и прекрасна была эта любовь. «Я только что приехал...», — писал А. К. Толстой своей жене из Дрездена, — и не могу лечь, не сказав тебе то, что говорю тебе уже 20 лет, что не могу жить без тебя, что ты мое единственное сокровище на земле, и я плачу над этим письмом, как плакал 20 лет назад...» Жизнь и творчество поэта были освещены вечным светом любви — трагической и неповторимой... И может быть, поэты, как никто другой, научили нас ценить и понимать слова истинного чувства, которое так возвышает женщину над всем суетным и обычным.

Так пусть будет каждая женщина любима! И счастлива этой любовью! И когда мы принесим ей цветы — пусть эти цветы не успеют завянуть, прежде чем мы принесем еще и еще. Ибо поклонение женщине не может быть обозначено календарем — оно должно жить в нас постоянно.

За годы Советской власти мы, мужчины, давно привыкли видеть в соотечественницах наших товарищей по труду, свершениям и открытиям, которыми по праву гордится Родина. Имена одних замечательных женщин знает вся страна, другие известны в своих коллективах. И не принято теперь петь серенады под окнами любимой, преклонять перед женщиной колено. Но не уменьшилось, а возросло наше уважение к ней, поклонение ее таланту, красоте, подвигу материнства.

Желаю вам счастья и радостей, дорогие наши женщины!

Удивительно и прекрасно это совпадение — Международный женский день и весна. И все справедливо — весной женщины исполнены надежд, и красота их освещена светом мартовского солнца.

Не хочется повторять избитых истин и произносить банальные комплименты женщинам, которые в день 8 Марта настроены празднично и чуть снисходительно к нашим мужским уверениям в вечном поклонении. Было бы лучше, если б каждый прожитый нами день — зимний или осенний — был для наших матерей и жен, невест и сестер — вечным продолжением 8 Марта, когда мы, мужчины, полны проявлений душевности и внимания.

Родина уравнила нас в правах и обязанностях с нашими женщинами. Но есть на земле святое неравенство силы и слабости, уверенности и беззащитности, о которых мы забываем порой, потому что жизнь — это прежде всего будни, полные мелочей, забот и огорчений. И все-таки... В известной анкете на вопрос о том, какая черта в женщине предпочтительней, Карл Маркс, как вы помните, ответил: «Слабость», — понимая под этим все, что ожидает нашей мужской защиты и поддержки. Женщина остается добрым, прекрасным светом в жизни каждого из нас — от колыбельной песни матери до шепота первого признания в любви.

Я верю, что все женщины прекрасны — И добротой своею и умом.
Еще веселеем, если в доме праздник.
И верною, когда разлука в нем.
Не их наряды и не профиль римский, —
Нас покоряет женская душа.
И молодость ее. И материнство.
И седина, когда пора пришла.
И мы, мужчины, кланяемся низко
Всем женщинам родной страны моей.
Недаром на солдатских обелисках
Чеканит память лики матерей.

Публикуем всех стран, содружителей!

РАБОТНИЦА

Месячный общественно-политический
литературно-художественный журнал
Вышел 8 марта 1914 года

МАРТ 1983
МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Читайте в этом номере:

- ЧЕГО ЖЕЛАЮТ ВАМ МУЖЧИНЫ.
- ЗВАНЫЙ ГОСТЬ. ВАЛЕРИЯ ТРОИЦКАЯ.
- ЦЕНА СЛОВА, ИЛИ ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ.
- САМАЯ ТРУДНАЯ РОЛЬ В АМЕРИКЕ.
- ПО СЛЕДАМ «ЗЕЛЕННОГО ЗМΙΑ».

Ленинградская областная
Библиотека им. Н. К. Круской

или не успеваешь?
Зато сам.
Умеешь?
То, собственно, уметь? Начистил кар-
бюратор в воду, или пару яиц — на
жук. Взял чайник — налил воды. Коро-
то проблемы ужина делаю сам ужин.
...
Вы считаете, справляется ли Валерия
на с воспитанием дочери?
Кому Валерия Федоровна? Вместе
мысли. Сейчас дочь учится в институте,
даст строителем. Работать умеет. Зани-
мается гимнастикой.
Вы относитесь к этому увлечению

да ей сначала запрещала. Дочь в го-
да в слезы. Был у меня с дочкой
... Но я понял: не отговаривать, любит она
Любит Лена самостоятельность. Ведь
такие же.
... мне и Николай Самойлович Файн-
голом говорил. Для того, чтобы скорее
под заселение, Валерия Федоровна
... на себя некоторые функции заказ-
ки субподрядчика. Во время сдачи
... до 300 километров по городу
... и сдает под ключ быстрее всех на

... Антониович, дома вы говорите о
... да от нее денешься? Вечером за
... регулярно, как «Последние известия»
... все новости друг другу. Управления
... соревнуются.
... ми, на ваш взгляд, качествами дол-
... жат муж деловой женщины?
... мужичиной: работающим, надежным и
... но неприхотливым в быту.
... вы особенно цените в женщине?
... способность понимать мужчину и кое-что
... ему. Особенно дома. К примеру, при-
... как с работы, а жена: туда не сядь,
... награди, здесь не сори. Ну, как жить в

... Антониович, вы с Валерией Федо-
... ровной путешествуете. Знаю, были
... ми. Как ваша жена на фоне пари-
... жской, парижанок и не очень разгля-
... дала? Она была сама собой и от этого
... была.
... женщин вы считаете красивыми?
... меня в краску вогнали... Подумать
... же жена красива?

... вы дарите Валерии Федоровне к
... цветы, что-нибудь она выбира-
... и покупает.
... же цветы она любит?
... не знаю.
... рила потом об этом Валерию Федоров-
... на: платки.
... которые муж дарит. Однажды прихо-
... — полная ваза роз. Посчитала: ровно
... столько мне в тот день исполнилось.
... шилье. Волна и камень, стихи и
... и пламень...» О супруге Филиппен-
... указать этой пушилкой строкой.
... щая, женственная, с распахнуты-
... ми глазами. Он — по-сибирски креп-
... ный, нетерпеливый, сдержанный, а
... на голубые, но запрятаны в гущу
... чью нависших бровей. Она, что есть
... дух выплеснет. Он — подумает.

... го о них сказал: «Валерия Федоров-
... на оперативных решений, у Леонида
... на стратегия дальнего прицела. Но
... никои, руководители сильные».

Интервью взяла Е. ЛОБОДА.

ОРЕНБУРТСКОЕ ТЕПЛО

В конце прошлого, 1982 года опублико-
ваны сообщения о присуждении
Государственных премий СССР
и премий Ленинского комсомола. На
этих страницах писательница

Любовь ЗАВОРотчева, лауреат
премии Ленинского комсомола 1982
года, рассказывает о лауреате Госу-
дарственной премии работнице Па-
исе МОРОЗОВОЙ.

Когда я собиралась в Оренбург, все у нас в
Тюмени почему-то думали, что еду я к
газодобытчикам — по тюменским меркам и по
понятиям именно это дело самое стоящее, знако-
мое, самое важное.

И вот Оренбург. Первая встреча. На плях
администратора гостиницы ажурный пуховый
платок. В вестибюле никого. Разговаривает со
мною, а сама вяжет, не глядя на спицы.

— У нас в Оренбурге все вяжут, — с улыбкой
ответила на мой вопрос. — Как в Москве в
метро читают, так у нас вяжут.

— А Морозову-то знаете? — оттолково я по-
сбирски.

— Раю? Да кто ее у нас в городе не
знает! — И снова улыбается. — Думаете, кто
Людмила Зыкина плат преподнес? А Рая!
Она, Людмила Зыкина, на концерте песню
«Оренбургский пуховый платок» спела, а Рая
подарила. От всех оренбуржцев.

Я открыто обрадовалась именно это-
му — Рая. Одно дело знать, что Морозова — ла-
уреат, а другое, что земляки ее по имени
называют, как добрую знакомую.

Она протянула мне крепкую, суховатую, с
узловатыми суставчиками руку:

— Рая...
— А мы, Раиса Кирилловна, оказывается,
совсем в соседях, — обрадовалась я ее привет-
ливости, — из окна моего гостиничного номера
ваш дом виден.

— Сюда мы недавно переехали, жили в
деревянном доме, — на ходу говорила она. Се-
ла на диван, похлопала ладошкой, рядом, мол,
сидите же вы... А сама, разговаривая, вязала
за вязание. — Не могу, чтою рука не были
заняты, это уж как болезнь какая, что ли.
Спицы только щелк-щелк, бесконечное
мельканье, я такого вязания быстрого не ви-
дела никогда. Не зря, пожалуй, предки ее, Раисы
Кирилловны, фамилию такую носили — Руки-
ны. Ничего из рук не выпадало, за что ни
брался.

И уж после, о чем ни вспомню, первым делом
руки Раисы Кирилловны вижу. Энергичные,
быстрые. Пельмени лепят ли, оборвавшуюся
ли пуховую нить ладят.

Не все состоялось как по писаному в жизни
этой милой черноглазой женщины. Досталось
детей, Свету и Костю, одно поднимать. Из
чувства самоуверждения. О, из этого чувства
женщина многое, многое может!

Я не выискивала каких-то особых приемов в
ее работе. И другие мне их не навязывали. И
если, как сказано в постановлении, присвоили
ей звание лауреата Государственной премии за
«выдающиеся достижения в труде, высо-
кую эффективность производства и каче-
ство работы, большой личный вклад в дело

изыскания и использования внутренних ре-
зервов», то и многих работниц на фабрике
оренбургских пуховых платков мне говорили
примерно то же. Многие вязальщицы по два
десятка лет работают, прошли все этапы
первооружения фабрики, награды имеют, из-
вестны не менее Раисы Кирилловны, изучили
технологию машинной вязки пуховых платков
так, что теперь молодежь учат. В конце концов
все те пять тысяч платков семнадцати видов,
которые ежедневно делают на фабрике, тоже
хоть и на машинах, но люди вяжут!

Из всех цифр, что называли мне на фабрике,
больше всего поразило мне одно сопоставле-
ние: в 1939 году 292 вязальщицы связали сто
три платка, а в 1982-м полторы тысячи работ-
ницы создали для женщин один миллион четь-
реста тысяч платков!

Инженер-технолог Р. И. Кичатова разраба-
тывает рисунки будущих палантинов, платков-
лаутинко. Затем специалисты переносят их на
жаккардную карту машины (ЛИУМ — ее наза-
на).

«Профессором» называют на фабрике Ира-
иду Григорьевну Обухову, которая первой осва-
ивала ЛИУМ и платки которой получили золо-
то и серебряную медали ВДНХ. Славится и
Мария Николаевна, которая учила Раю Моро-
зову всем премудростям работы на ЛИУМе.

Словом, коллектив, где нет сегодня спе-
циалиста со стороны, все выросли на родной
фабрике: и мастерицы и руководители. Вплоть
до директора фабрики Евдоким Егоровны Фи-
латовой, которая семнадцать лет назад при-
шла сюда, в обитель машин «образца 1900
года», и вся реконструкция фабрики легла на
плечи этой женщины, уже молодой, но с
огромным запасом жизненных сил и энергии.

Знакомила меня со всеми процессами про-
изводства Жанна Александровна Ланды-
шева, начальница вязального цеха. Все — от
мойки пуха до выхода самого прекрасного
палантина и роскошного большого платка с
рисунком «павлиний хвост» — показала, по
всем цехам провела. Самое впечатляющее,
конечно, вязание платка. Равномерно стрек-
очут машины, согласно рисунку жаккардной
карты выводят железные «пальцы» ряд за
рядом легкую лаутинку. С машин — словно
каскад куржика, словно глядишь в зимние
ока, расплывшиеся морозом.

Сняв платок, быстрые руки вязальщицы с
двух сторон на иглочники наберут по четыреста
петель, и пойдет платок на обвязку зубчиками
в другой цех. Сноровка и терпение нужны,
чтобы эти восемьсот петель на одном платке
набрать. А их, платков, за смену надо обраба-
тывать десять да еще десять палантинов.

Вот он как раздается, знаменитый проходя-

щий через обрубальное кольцо, воспитан в песнях оренбургский пуховый платок.

Да, все интересно, на всех машинах ровно работают, все с планом справляются. Однако Жанна Александровна, словно предупреждая мой вопрос—почему же именно Морозова стала лауреатом?—с улыбкой смотрит в сторону Раисы Кирилловны, где она управляется с тремя машинами.

— Мы же в коллективе работаем, так? Если бы каждый за себя, на индивидуальном порядке: отработал, сдал, получил деньги, а там хоть трава не расти. Но ведь в бригаде до двадцати человек. И молодежь надо так приглубить, так обучить с машиной, чтобы девочки сами захотели не одну, не две, а три обслуживать. Резервы производства—что такое? Возможность машин, конечно, велики, но я подметила, что там, где человек работает не только за деньги, но еще и за совесть, главным резервом становится здоровый микроклимат в бригаде. Рядом с такой, как наша Рая Морозова, ничего не страшно! Запала у нее на троих, и она им щедро делится. Сколько девочек рядом выросло! У нее прямо талант на людей.

Мы скромно замалчиваем слово «талант», выискивая синонимы. Почему? Есть и дана человеку глубинная память, воображая все лучшее, и по антеннам этой памяти человек ориентируется в своей жизни в силу данных ему предыдущими поколениями таланта, мудрости, отзывчивости сердца. Эмоционально глухой человек не способен на инициативу, на порыв. Встречи с Раисой Кирилловной еще раз убедили меня в этом.

Простодушно и с горячим желанием помочь мне, понимая, что звание лауреата Государственной премии налагает на нее особую ответственность, Раиса Кирилловна переросла все домашний архив, показала письма, пришедшие со всего Советского Союза только за последнюю неделю после опубликования постановления. А писем этих больше тридцати. Весело взмахнув рукой, сказала: «Еще будут идти и идти!» Мне запомнилось, как она тихо добавила: «Берегу все это для детей, чтобы знали, ради чего я с ними мало бывала».

Бережется в этом архиве и ее портрет на обложке журнала, где она в наилучшей, наиболее красивой оренбургской «паутинке». Носит ли Рая сама такой платок или только для фотографии накинута?

— Да нет, я шапки люблю. Дочке вон, Светланке, когда приданое готовила, связала ручную палантин и платок.

Он тут же лежал, дочкин палантин, на диване. И надо же! Бывает такое! Какозалось,

прилетел он вместе со Светой, с ее сынишкой из города Ноябрьского моей родной Тюменской области! Мужа послали на месяц в Тюмень из Ноябрьского учиться на бурильщика, а Света с сыном—к бабушке, в гости. Жили до этого и работали в Оренбурге, а потом решили по договору—на Север. Кстати, Света тоже после десятого класса работала на фабрике, платки вязала до самого отъезда. И вообще все Рукины, начиная с Раиной матери, Анны Александровны, четыре сестры и брат, свои трудовую биографию связали с фабрикой. Раиса Кирилловна уже четверть века там. Недавно в коллективе чествовали всею семью, всю династию, отмечая их долготелый труд.

— А палантин-то до чего красил!—не удержалась я.—Ровная така вязка, как на машинке, только пушитесь больше. А узор!

— Шашечки, ягодки, зубочки, веточки с листиками,—поясняла Раиса Кирилловна.

И так ласково она объясняла узор, что все интонации помнятся.

— Что же теперь-то вяжете?

— Зубочки привязывать к серединкам не успевают на фабрике, вот и помогаю дома план выполнять. Серединки на машине, ну, и зубочки тоже стали на машине с электроприводом вязать. Но все равно не успевают. А так зачем время терять, сижу вот и вяжу.

— Пушитесь каемочка! На машине разве так поднимется пух? Может, не зря вотчат, что на машине—не то!—высказала я давно застрявшее во мне сомнение.

— У нас есть маленький цех ручной вязки. Но не все же мастерицы могут ровно вязать. Пухом вроде компенсируется неровность. А еще у каждой своя фантазия. Иная такие узоры вяжет, что другой зовек не додумается. Тут наши художники изучают, переносят узор сперва на бумагу, потом на жаккардную карту. Машина уж эту красоту выдает ровненько. И тепла от машинного пухового платка не меньше. Мастерица вяжет платок больше месяца: много ли навяжешь? А спрос все не уменьшится.

Ну, что же, подумала я. Есть резон в таких рассуждениях. Ведь вкусы и потребности у людей разные, одной в театр—палантин, белый, розовый или голубой, тонкий, другой—в командировку потолще пухом, кому—ручной вязки, подороже, кому—машинной, подешевле. В Оренбурге в магазинах можно купить любой—от семнадцати рублей до ста и выше. Кому какой надо, купит.

Но не везде еще эти платки есть. И летят на фабрику письма со всей страны: уважьте, пожалуйста,—маме, бабушке, жене, невесте, дочке. Просят платков делать «больше и с

хорошим качеством». Вот это и не да Морозовой. Она понимает: главное—жить! всех желающих, фабрику завести на индустриальные рельсы, программным управлением быстрее вать.

Все годы Раиса Кирилловна—комбригадир—что-то придумывает, пробует в ее бригаде свести к минимуму неважные резервы. За восьмью пятнадцать годовых заданий, за девятою—восьмью сятую—тоже восемь. За труд с понижением сил получила Морозова звание ордена Трудового Красного Знамени.

— Раиса Кирилловна, признайтесь, вы еще одну машину обслуживаете?

— Да я-то бы, может, смогла бы, никак—только надо помнить, что ряденские женщины работают. Самостоятельно, у всех хватает, будут тянуться к ним сил, чтобы не отстать и взятую живичку четырех машин. А шнорелем хватает, да и дома у нее семья не ребенок—и на это силы оставить надо! у нас еще много девочек пока не умеют обрабатывать не могут. Вот и резерв надо. И учим. Семьдесят взыскиваю от меня на самостоятельные участки—считаю, самая главная работа мастерицы.

О девочках своих она может рассказывать бесконечно. Дня рождения не пропустишь, новостям, чаепитие перед прогулкой, по случаю перевыполнения своего задания все косынки красные и театральные бригады ходят. Все по разговору с девочками: поход на свидание застолье, бригадный праздник.

Может, вот это особое беспокойство не предвещивает ни постановки рамки должностного статуса бригадиресть ее личный вклад в дело ее внутренних резервов? Поди разобраться, где не личное. Девочки дружат. Кстати, сын Морозовой, восемью вместе с ее бригадой—и на лыжах. Нет для Раисы Кирилловны границ между семьей и фабрикой, между работой и работой общественности. Одно деловое. Все—жизнь, все—одна орбита.

Уезжала я из Оренбурга в день. Но тепло и легко было в непогоду. Думалось про «ягодки и зубочки», неустанно стегались переплетные узоры платков и «паутинки» и та и добро сплелись в единый символ творения женских рук.

Когда на обочине мелькнула указатель «Нежинка», я представила Нежинку другое оренбургское село, маленькое, степное, куда в марте в дом Рукиных принесли похороны. Анна Александровна, раскрывшая пятью осиротевшим ребятишками, ишей жизни вложила в ручки семи сестрицы. После войны не надо было вязать носки для фронта. Любых досишь вязывали женщины в каймукам платков, которые привозили с фабрики. И на продажу вечерами с старой узоры пуховые выводили. За деньги, на кусок хлеба, на одежку как для себя, по душе и по советскому народному промыслу. На бабьей нуте и детском усердии.

Мастерица была Анна Александровна. Уж дети выросли, а все фантазия. Хранятся у Раисы Кирилловны грады матери, медали ВДХ за искуснейшие. И нет давно матери семье дух творчества. А пока он потеряет славу оренбургский пуховый нас в стране и далеко за ее пределами.

Оренбург—Тюмень.

На снимке: Р. Морозова (вторая справа) с членами своей бригады Н. Головиной, З. Креймер и Н. Сотовой.

(фото ТАСС)

